

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 4-го Марта 1912 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10640.

Маска Віолы Скарфетти.

Въ моемъ кабинетѣ на стѣнѣ виситъ очень старинный портретъ молодой прекрасной женщины, за который въ свое время я заплатилъ одному римскому торговцу семь тысячъ лиръ.

Портретъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ моихъ знакомыхъ. Это понятно. Незаурядный мастеръ рисовалъ важную синьору; наконецъ, ея история, которую я узналъ такъ случайно, почти таинственно, сообщаєтъ портрету особенный интересъ.

Имени художника я не нашелъ. Весьма возможно, что оно стерлось, такъ какъ правый уголъ портрета совершенно испорченъ временемъ. Впрочемъ, манера письма, удивительно нѣжный и прозрачный колоритъ, наконецъ, тонкая разработка деталей не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что мастеръ принадлежалъ къ венеціанской школѣ.

Зато сохранилось имя дамы, написанное въ самомъ низу подъ ея тонкой рукой: Віола Скарфетти.

Тонкое, почти овальное лицо, удивительно живое и юное—тайна венеціанской живописи. Глаза выписаны съ тщательностью миниатюръ,—слегка продолговатые, томные, подъ узкими бровями. Сначала эти глаза кажутся святыми, такъ они покойны, такъ величаво красивы. Но вглядываешься—и чувствуешь въ нихъ страстную нѣгу, призывъ, какую то внутреннюю, затаенную борьбу. Святость глазъ окончательно разрушаютъ маленькия чувственныя губы. Онѣ совсѣмъ алые на прозрачномъ, словно выцвѣвшемъ лицѣ. Черные волосы перевиты около лба узорной лентой; они закрываютъ уши и ниспадаютъ змѣистыми локонами на обнаженные, чуть розовые плечи. На шеѣ нить жемчуга. Ниже великолѣпно вырисованное кружево корсажа, и въ немъ тонуть приподнятые блѣдныя руки, нѣжныя и хрупкія, какъ у дѣвочки, съ тонкими аристократическими пальцами...

А между тѣмъ эти хрупкія ручки, кажется, соз-

День „колоса ржи“ въ Петербургѣ.

Снимки фотографа Р. Р. Булла, С.Н.Б.

данныя только для поцѣлуевъ и игры на лютнѣ, спокойно поднесли маркизу Гаспару-де-Торальдо... Но обѣ этомъ ниже.

Таковъ мой старинный портретъ. Овальная золотая рама окружаетъ его легкимъ блескомъ, и кажется, что на лицо женщины падаетъ матовый свѣтъ восковыхъ свѣчъ. Отъ нея трудно оторвать глаза. Она очаровательна. Она воскрешаетъ какія-то старыя венеціанская преданія, гаснущія въ недвижимыхъ каналахъ и старыхъ пустыхъ домахъ. Въ ней обаяніе той грациіи и изящества, которыхъ уже лишились вычурныхъ и нервныхъ современныхъ женщины.

Віола Скарфетти въ течение долгаго времени была самой красивой и радужной мечтой моей уединенной комнаты.

Однажды я снялъ тяжелый портретъ со стѣны, чтобы осторожно очистить раму, потемнѣвшую отъ пыли и паутины. Я положилъ его на столъ и тогда впервые замѣтилъ, что оборотная сторона наглухо задѣлана доской, покрытой сверху совершенно выцвѣвшимъ бархатомъ. Я очистилъ его отъ пыли и внизу среди разлѣзшейся ткани увидѣлъ бронзовую петлю.

Ясно, что крышка открывалась. Однако, сколько я ни искалъ, мнѣ не удалось обнаружить какого-нибудь замка или запора. Признаюсь, что я былъ заинтригованъ до послѣдней степени. Я вдругъ сдѣлался любопытнымъ и нетерпѣливымъ, какъ ребенокъ, который непремѣнно хочетъ заглянуть внутрь подаренной ему игрушки. Ожидалъ ли я сдѣлать какое-нибудь открытие? Едва ли. Мною просто овладѣло странное безпокойство. Я взялъ большой ножъ и, дѣйствуя имъ, какъ стамеской, скоро снялъ крышку. Подъ нею оказался прекрасно сохранившійся кусокъ золотой парчи. Я поднялъ его и невольно вскрикнулъ: въ внутреннемъ помѣщеніи рамы лежала коричневая прозрѣющая накресть черной шелковой лентой...

Справившись съ охва-

тившимъ меня волненіемъ, я вынуль тетрадь, развяза залъ ленту и тогдѣ прочелъ на заглавномъ листѣ:

Віоля
Скарфетти.
Венеція,
1635.

А внизу:
'Ave Maria!
Regina dei
cieli: Dio con
gli Angeli
piu amorosi,
che mai era
asse nella
esultanza della
sua gloria,
ti circonda-
va'...

Больше двухъ мѣсяцевъ употребилъ на то, чтобы разобраться въ запискахъ Віолы Скарфетти. Особенно затрудняли меня старинные обороты рѣчи и слова, вышедшиа изъ употреб-

Гр. Распутинъ (X) среди своихъ поклонниковъ

Автографъ Распутина:

*Отскочь отна-
радось миръ
и прутъ сюсюсе
къ Григорій*

Гр. Распутинъ.

Портретъ работы худ. Раевского.

ленія. Это были бѣглыя, часто разрозненные замѣтки, иногда только отрыски, только намеки, такъ какъ авторъ, очевидно, писалъ все только для себя, можетъ бытъ, ради успокоенія, а можетъ быть, ради опасной рисовки, которая, въ концѣ концовъ, всегда свойственна преступнымъ душамъ.

Послѣ долгой работы, откинувъ все лишнее, я составилъ одинъ связный эпизодъ изъ замѣтокъ Віолы, который и привожу здѣсь.

...Я хорошо знала строгія традиціи отца моего, чутъ ли не причастнаго къ верховному судилищу, и потому была страшно удивлена, когда ввелъ онъ въ нашъ домъ маркиза Гаспараде Торальдо, полуфранцуза, полуангличанина съ лысымъ черепомъ, острой бородкой подъ слюнявымъ ртомъ и грубой шутливой рѣчью, достойной римскаго конюха. Думаю, что только миллионы Торальдо могли заставить моего отца такъ узниться.

Являлся къ намъ онъ довольно часто, и я сразу поняла, что отецъ покровительствуетъ своему странному гостю. Говорилъ онъ со мною мягко, какъ съ ребенкомъ; сначала подол-

гу восторгали съ моимъ туалетомъ, а затѣмъ начинай разсказывать о Неаполѣ и своемъ дворцѣ, расположенному недалеко отъ парка Поджо.

Это было для меня настоящая пытка, тѣмъ болѣе, что Луиджи Скарфетти теперь почти не показывался къ намъ, и не съ кѣмъ мнѣ было подѣлиться моимъ горемъ. Рѣзко я встрѣтила его въ церкви Мадонна д'Орто; онъ бытъ въ черномъ плащѣ и такъ печаленъ. Я успѣла передать ему мою записку, а отвѣтное письмо долго читала со сле-

зами на глазахъ. Луиджи — первый юноша во всей Венеціи, ни одинъ пажъ королевы не можетъ похвастаться такимъ рыцарскимъ происхожденіемъ; какъ умѣлъ онъ пѣть, какіе стихи писалъ для меня, а однажды (это знаеть только моя старая синьора Летиція), склонивъ колѣна, онъ такъ пламенно цѣловалъ край моего платья...

— Луиджи, мое сердце разрывается!

Маркиза Торальдо не смущало мое холодное лицо и презрительная улыбка. Какъ сейчасъ помню, онъ явился разъ особенно нарядный, въ смѣшныхъ красныхъ чулкахъ и съ сильно напудреннымъ лицомъ. Вкрадчиво смѣясь, онъ говорилъ, что дѣвушка, которая полюбитъ его, будетъ обладать сказочными сокровищами. Неаполитанскіе ювелиры, аргентieri, сдѣлаютъ для нея ожерелье изъ драгоцѣнныхъ индійскихъ камней, а вся ея комната будеть разубрана золотой парчей, камчатнымъ сукномъ и атласомъ.

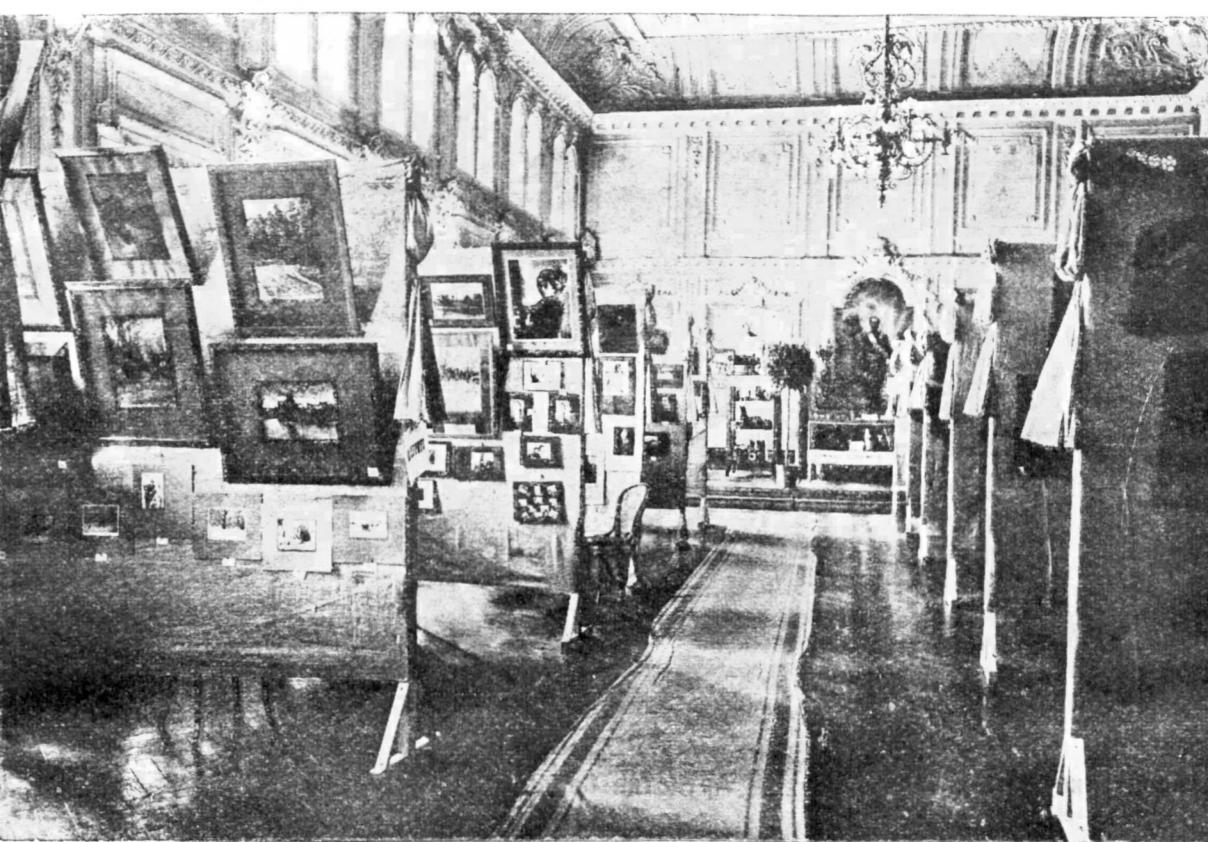
— Всѣ комнаты будеть въ зеркалахъ, улыбнулся маркизъ, смотря прямо на меня. — А, вѣдь, въ Неаполѣ лучшая перчатка и самая кокетливая зеркала у Санъ Пьетро Мартіре.

И вдругъ онъ взялъ мою руку и началъ цѣловать ее. Я вскрикнула и уѣѣжалъ.

Вечеромъ меня вызвалъ къ себѣ отецъ и прочеъ строгое наставленіе, послѣ чего всю ночь я плакала и молилась, а добрая синьора Летиція принесла въ мою комнату свое старое распятіе. Утромъ она согласилась, наконецъ, доставить Луиджи мое письмо. Въ тогдѣ же день мы встрѣтились съ нимъ въ церкви. Онъ успѣлъ поцѣловать мою руку и тихо шепнулъ:

— Не беспокойтесь, Віоля, я все устрою. Я отвѣтила:

II-я фотографическая выставка въ Харьковѣ.

Снимки фотogr. А. Вернера.

жи встрѣтила меня, крѣпко сжаль руку, и мы скрылись въ нишѣ, рядомъ съ портретомъ моей тетки Джуліи Альдеморично.

— Віоля, прошепталъ онъ, задыхаясь и не выпуская моей руки. — Сегодня день нашего спасенія или гибели.

— Но что съ тобой?

Онъ поспѣшно вынуль изъ складокъ бѣлаго камзола изящную голубую маску и протянулъ ее мнѣ.

— Спрячь, спрячь! Никто ее не долженъ увидѣть сейчасъ. Это такая же маска какъ твоя. Ты подойди къ маркизу и уведи его изъ зала. Ты постараися оѣтъ на него эту маску.

Руки Луиджи дрожали, глаза горѣли, какъ двѣ свѣчи. Я, кажется, нача-ла понимать его планъ.

— Это дѣйствуетъ, какъ отравленная

перчатки спро-
сила я шепотомъ.

— Лучше, лучше, отвѣ-
тила онъ и раз-
смѣялся.

Черезъ нѣ-
сколько минутъ
я была въ залѣ,
среди рѣдкой
пестроты муж-
скихъ и дам-
скихъ нарядовъ,
атласа, бархата,
лентъ и кру-
жевъ. Все сіяло
въ блескѣ свѣчъ,
и дамы весело улыба-
лись кавале-
рамъ въ разрѣ-
захъ своихъ
разноцѣвѣтныхъ
масокъ.

Скоро я на-
шла маркиза.
Онъ былъ въ
черномъ плащѣ,
въ черныхъ чул-
кахъ съ сереб-
рянымъ галу-
номъ и бар-
хатныхъ туф-
ляхъ. Извѣдь подъ
черной маски
торчала его про-
тивная рыжая
борода.

— Я всдую
искаль въ сѣ-
ль! Какъ вы пре-
лестны! Я рас-
ходохоталась, взя-
ла его за руку и увлѣкла съ со-
бой въ малень-
кую гостинную,
гдѣ было полу-
темъ, и горѣли
только двѣ
свѣчи.

— Снимите
маску, сказала я.

Онъ повино-
вался. Я увидѣ-
ла предъ собой
потное, красное
лицо, отврати-
тельный ротъ и
вздрогнула отъ
отвращенія.

Я рѣшительно
вынула голубую
маску и, кокет-

ливо помахивая ею, сказала, улыбаясь:

— Маркизъ Гаспаръ де Торальдо,
вы хорошо знаете, что я ваша дама.
Но я люблю цѣѣтъ голубой, на мнѣ
голубая маска. Голубую маску должны
одѣть и вы.

Онъ закивалъ головой, радостно за-
хихнулъ и поцѣловалъ мою руку.

— Голубой цѣѣтъ! Голубой цѣѣтъ!
повторилъ онъ.

Я привстала на цыпочки и, продол-
жая улыбаться маркизу самой ласко-
вой улыбкой, крѣпко повязала ему
готубую маску...

Онъ снова поцѣоловалъ мою руку и
просилъ танцевать съ нимъ, но я зна-
ла, что именно теперъ я должна быть
подальше отъ него.

— Идите въ залъ, спокойно сказа-
ла я. — Слѣдующій танецъ вашъ.

Къ вечеру юмористовъ (10 марта).

Аркадій Аверченко.

Артистка Садовская.

Осипъ Дымовъ.

Е. Д. Монтвидъ-Воронецъ.

(Къ концерту 9 марта).

Я быстро ушла и, найдя Луиджи, понеслась съ нимъ въ танцъ. Это былъ безумный танецъ. Его руки дрожали, а мое лицо пылало подъ маской; ноги, кажется, плясали сами собой.

— Улыбайся, шепнуль онъ.

— Скорѣ спросила я.

— Только полчаса.

Снова неслись мы, и, казалось, разорвется мое сердце подъ кружевомъ и позументомъ.

И вдругъ крики гостей, суэта, сорванныя маски на чьихъ то испуганныхъ лицахъ, и мигомъ замолкла музыка. Я бросилась впередъ.

Въ пестромъ кругѣ дамъ и кавалеровъ лежалъ на полу маркизъ Гаспаръ де Торальдо, страшно блѣдный, съ синими губами; въ правой рукѣ онъ держалъ сорванную и смятую голубую маску. Странно, но теперь мое сердце стало биться спокойно.

Черезъ нѣсколько минутъ надъ тѣломъ маркиза склонился весь въ черномъ врачъ моего отца синьоръ Джювани Пиколомини. Онъ ощупалъ тѣло, внимательно посмотрѣлъ въ глаза маркиза и тихо прошепталъ:

— Mortuus est..

Въ эту ночь я впервые спокойно заснула.

Этими словами заканчивается дневникъ Віолы Скафетти.

Изъ отдѣльныхъ записей я только узналъ, что въ скоромъ времени она вышла замужъ за Луиджи, а сравнивая дату дневника съ датой портрета, я убѣдился, что написанъ онъ много позже происшедшихъ событій.

Вотъ почему иногда вечеромъ я по долгому смотрю на портретъ обаятельной красавицы, стараясь понять тайну ея спокойствія и юношеской улыбки.

Глаза чаруютъ, на губахъ почти беспечная улыбка, а между тѣмъ эти ея тонкія аристократическія руки уже поднесли маркизу Гаспару де Торальдо отправленную голубую маску...

Ал. Станкевичъ.

Н. А. Тальори.

(Къ вечеру 4 марта).

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ЛЕЧЕБНИЦА

д-ра М. П. Ряснянского,

Пушкинская, 6, телефонъ № 1094.

ЭЛЕКТРИЗАЦІЯ, СВѢТОЛЕЧЕНІЕ, МАССАЖЪ.

ЛЕЧЕНІЕ АЛКОГОЛИЗМА ВНУШЕНІЕМЪ.

Консиліумы по всѣмъ специальностямъ.

ПРИЕМЪ БОЛЬНЫХЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Нервныя и душевн. бол.—д-ръ РЯСНЯНСКІЙ, отъ 5—7 ч. в. Внутреннія бол.—

д-ръ ЮРЧЕНКО, отъ 4—2 ч. днія. Венерическія и кожные—д-ръ ЕГІАЗАРОВЪ

отъ 2—3 ч. д. и отъ 6—7 ч. веч. 5016—1